

Мякзюм Салахов:

«УНИВЕРСИТЕТ НЕ ОСТАВИЛ, Я И СЕЙЧАС ТАМ РАБОТАЮ»

У татарстанской Академии наук – новый президент, третий в ее истории, которая, напомним, началась в 1991 году. Первым в то непростое время ученое сообщество республики возглавил филолог Мансур Хасанов. Президент-гуманитарий тогда был необходим, так как перед татарстанскими учеными стояла задача, так сказать, идеологического обоснования роли и места республики на этапе постсоветского строительства. Спустя 15 лет на смену Хасанову пришел химик Ахмет Мазгаров – от науки стали ждать практических прикладных решений, особенно в столь важной для республики нефтехимической отрасли. И вот в 2014-м президентом избран академик – секретарь отделения физики, энергетики и наук о земле АН РТ Мякзюм Салахов. Какие изменения ждут академию с новым лидером-физиком? С этого вопроса начался наш разговор с Мякзюмом Халимуловичем.

– Не думаю, что, когда выбирали меня, главным было то, что я физик, – говорит Салахов. – Конечно, вначале, когда только открывали академию, первенство однозначно было за гуманитарной сферой, потом подключили и другие направления. Хочу сказать, что гуманитарная составляющая в нашей академии обязательно должна присутствовать. Особенно те направления науки, которые связаны с татарским народом, его историей, языком,

культурой, – ведь этим в России больше никто заниматься не будет.

Сформулировать сейчас конкретную программу работы академии на новом этапе мне пока сложно. Сначала хочу разобраться во всем, реально определить, что же мы, академики, должны делать? Как я люблю говорить, надо ответить на вопрос домохозяйки: кому вы нужны? На самый простой вопрос всегда очень трудно отвечать.

Мне предстоит встреча с руководством республики, и надо показать, какие у нас проблемы, что мы хотим делать и чего можно от нас ожидать. Понятно же, что охватить всю науку мы не можем, нужно определить приоритеты. Одна из главных задач, как я уже сказал, – это развитие гуманитарных исследований. Сейчас науку любят считать в деньгах: «Какую прибыль вы принесли?» Вот вклад наших гуманитариев: благодаря им был запущен один из крупнейших и престижных инновационных проектов для Татарстана – тысячелетие Каза-

ни. Что было сделано в связи с этим для города и республики, вы сами знаете. В результате исследований последних лет город Болгар удалось включить в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО. Вот вам, пожалуйста, гуманитарии.

Что касается естественных наук, то здесь есть ряд традиционных для нас направлений – нефтехимия, геология, сланцевая нефть и сланцевый газ. По этой тематике работы ведутся и в академии, и в ряде вузов республики, и наша задача – скоординировать усилия специалистов на основных направлениях. В связи со сланцевой нефтью встают проблемы экологии, и тут хорошо работает академический Институт проблем экологии и недропользования.

В других областях роль академии, а это наша принципиальная позиция, – давать экспертную оценку новым направлениям, делать аналитические прогнозы развития науки в стране и мире, чтобы можно было работать с опережением. Перед руководителями отделений академии я сейчас как особо важную ставлю задачу готовить экспертные заключения и прогнозы в своей области. У нас есть иностранные члены академии, их тоже всегда можно привлекать к такой работе.

– А как привлекать для работы в науке молодежь? Это ведь проблема, для нашей Академии наук в том числе...

– Это общая для всей страны проблема. Конечно, надо создавать молодежи условия. В принципе, тем, кто и правда одержим наукой, многого не надо – чтобы была возможность реализоваться, провести эксперименты, выполнить теоретические исследования... Наша задача – обеспечить молодым научным талантам такие условия, и в последние годы в вузах Татарстана эта работа ведется. Вот го-

ворят: утечка капитала – это плохо для страны. Но еще страшнее утрата человеческого капитала. Потому что это деньгами не определишь. Как это оценить? Я люблю приводить в пример Сикорского. Скажем, сколько Россия потеряла с его отъездом? Думаю, триллионы... А уезжают самые талантливые.

– Этот процесс как-то можно остановить?

– Я не знаю. Честно. И, наверное, мало кто знает. Это можно было бы остановить, если бы наука здесь была востребована, если бы мы видели: то, что мы делаем, интересно стране, внедряется, оплачивается...

– Вообще, старение ученых – это проблема для нашей науки?

– Думаю, да. Старшему поколению, безусловно, надо уделять внимание, вклад ветеранов в науку очень важен, особенно в вузах, они много делают для воспитания подрастающего поколения. Но нужно, как я уже говорил, создать систему стимулирования для молодых. Они должны видеть, что могут стать профессорами, заведующими кафедрами. Во всем мире есть ограничения по возрасту для занятия административных должностей. Конечно, у них при этом решен вопрос о достойном пенсионном обеспечении.

– С каким чувством вы оставили Казанский университет? Все-таки восемь лет были там ректором, потом еще четыре года президентом...

– Если уж так, то я с 1968 года в университете, с того времени, как поступил на физфак. И не оставил его, продолжаю заведовать кафедрой оптики и нанофотоники.

– Вы довольны тем, как он сейчас развивается? Так ли вы себе это представляли, когда разговоры о федеральном университете только начинались?

– Сейчас не хочу давать никаких оценок – когда процесс еще идет, оценивать очень сложно. Надо через десять-пятнадцать лет посмотреть, что получится. Но материальная база университета, конечно, сейчас заметно улучшилась, созданы самые современные лаборатории, открыты новые направления подготовки.

– Как вы пришли в науку? Когда в 1968 году поступали в университет, уже знали, что будете заниматься наукой?

– Я считаю, у каждого человека склонность к чему-то выражена уже в школе. Если я в школе участвовал в олимпиадах по математике, физике, химии, то этот интерес для меня и стал определяющим.

– Кто-то из ваших родителей занимался наукой?

– Никто. У мамы два класса образования, отец на стройке всю жизнь работал. Я учился в Ульяновске, в школе, где постигали азы наук Ленин, Керенский, Курчатов. У нас учились дети руководителей, партийных секретарей... Их родители приходили к моей матери: «Как вы его воспитыва-

ете?» Она отвечала: «Да не знаю, учится и учится». Я один среди них золотую медаль получил. Откуда это? Не знаю. Никто мне в учебе не помогал. А в университете с первого дня интересно было наукой заниматься.

– Вообще, то, что вы были проректором, ректором КФУ, сейчас стали президентом академии, – это какое-то стечение обстоятельств или была какая-то потребность стать руководителем?

– Нет, никогда особо не хотелось руководить. И с Академией наук как-то для меня все неожиданно вышло.

– Административная работа отнимает, наверное, большую часть времени?

– Да, конечно.

– А на науку что остается?

– Стараюсь поддерживать себя как ученого. Несколько лет назад стал заниматься нанооптикой. Это новое направление, новая сфера.

*Из интервью с журналистом
газеты «Республика Татарстан»
Е. Чесноковой, 25.07.2014 г.*